

Каблучкова Т. В.

Доместикация животных как доместикация души

В конце февраля 2010 года я завершила написание доклада на грядущую конференцию УрААПП. Взглянув на получившийся текст, я сообщила себе две новости – плохую и хорошую. Плохая: в часовое сообщение он никак не укладывается. Хорошая: опус состоит из двух частей, относительно самостоятельных, одна из которых является теоретическим рассуждением, а вторая – иллюстрацией его приложения на примере доместикации.

Данное сообщение и есть вторая, иллюстративная часть теоретических выкладок, которые я представила на третьей конференции 15 мая 2010 года.

Контакт с животным миром у человека имеет несколько вариантов, выстраивающихся в определённые стадии в соответствии с развитием сознания. Всего их четыре:

- 1) равенство с животными;
- 2) приручение животных;
- 3) разведение животных в неволе;
- 4) преобразование животных путём направленного отбора.

Первая стадия: человек – естественная часть животного мира, функционально вписанная в биотоп своего местообитания. На этом этапе человек ест одних животных и поедается другими «на общих основаниях». Именно здесь создаются мифы о происхождении племени от тотемного животного, как правило, являющегося вершиной пищевой цепочки данной экологической системы. Мифология передаёт неотделённость человека от его окружения и стремление обладать качествами, присущими другим животным. На первой стадии отсутствует мифологема «человек – царь природы»: он пользуется ею столько же, сколько и она пользуется им.

Это состояние отражает растворённость человеческого сознания и его центра – эго – в бессознательном. Эго не является единым, а представляет собой конгломерат разрозненных переживаний, ощущений, представлений и окружено другими комплексами, равными ему, а связь с Самостью осуществляется через образ тотемного животного, на который и происходит проекция архетипа целостности, превосходящего эго. Естественно, субстратом для подобной проекции чаще всего становится хищник, замыкающий пищевую пирамиду и стоящий как бы над остальными животными данной экосистемы. Если это и не хищник, то в любом случае животное, превосходящее человека в силе и возможностях влияния на окружающую среду.

Приручение животных на этой стадии развития сознания невозможно и бессмысленно, так как человеческое эго не является автономной единицей психе, соответственно, не может воздействовать и изменять своё окружение как в психическом, так и в буквальном плане: одно является отражением и продолжением другого.

Современная тенденция мировой природоохранной деятельности, скорее всего, отражает необходимость возвращения к описанной стадии, но на новом витке развития сознания, необходимость релятивизации эго по отношению к остальной психе для устранения однобокости, рациональной сухости и восстановления целостности самовосприятия, иначе приводящее к экологической катастрофе на всех уровнях бытия. Тем же самым, вероятно, является озабоченность «плохой экологией»^[1] у каждого конкретного человека. В клинической практике любование природой, ощущение единения с нею без какого-то ни было вмешательства – как в реальности, так и в фантазиях, сновидениях – может отражать оба состояния: как первичную неотделённость, растворённость эго в бессознательном и, соответственно, ещё неосознаваемую потребность в отделении, индивидуировании, так и противоположную необходимость возврата в это состояние.

Вторая стадия: человек изымает из окружающей среды животных и оставляет их около себя некоторое время. Как правило, это те животные, которые помогают ему выживать: они становятся либо живыми консервами, обеспечивающими пищу в случае неудачной охоты, либо живыми приборами, увеличивающими диапазон восприятия органов чувств человека для предупреждения об опасности. Этих животных нельзя назвать домашними, так как они не

разводятся специально, а берутся из окружающей среды, как и любые другие предметы быта – плоды, стройматериалы, инструменты и др. На этой стадии происходит первичное отделение от природы, «вылупление» из слитного единства – в том числе за счёт использования животных.

Развитие сознания на этом этапе находится на уровне формирования первичного ряда символов вокруг архетипического ядра эго-комплекса, что приводит к необходимости использования любого подручного материала для его возведения. И человек стоит заборы вокруг своего поселения, помещая внутрь отвоёванного у природы пространства средства поддержания своей автономии от неё. Одними из этих средств и выступают пищевые животные, а также выполняющие функцию сторожей. Человеческое эго начинает пользоваться возможностями контакта с другими психическими содержаниями, не разрушаясь при этом, а интегрируя в свою структуру их способности. Прирученное животное на этой стадии становится посредником между эго человека и его животной сущностью, инстинктами, перенося во внешнюю конкретную реальность приручение инстинкта и использование его качеств в становлении человеческого быта. Приручение животного – это, кроме того, ещё и первичное расщепление животной природы на свою, безопасную, и внешнюю, неподконтрольную, а любое разделение, расщепление – главная функция сознания, значит, приручение животных отражает и обслуживает само развитие сознания.

В связи с этим интересно различие в отношении к прирученным животным у современных примитивных народов в разных частях света. Так, в Южной Америке индейцы держат животных в деревнях либо на привязи, либо настолько их приручают, что животное пространственно не ограничивается, а добровольно остаётся около жилища хозяина. В Южной Азии прирученных животных обязательно содержат в клетках или загонах. Подступиться к истокам подобного отношения к животным попробуем с другой стороны, а именно: различий в самом животном мире этих географических регионов. В зоогеографии – науке, изучающей закономерности распределения животных на планете, – есть термин «дух местности». Он означает, что животным из одной зоогеографической области может быть присуща какая-то черта внешности или биологии, общая для большинства систематических групп, составляющих местную фауну, и эта черта никак не выводится из особенностей экосистемы, а просто существует как бы сама по себе. Особенно ярко «дух местности» проявлен в рассматриваемых нами регионах. Так, многие животные тропических лесов Южной Азии обладают способностью к планирующему полёту и соответствующими приспособлениями к этому способу передвижения. А в тропических лесах Южной Америки большинство животных «обзавелись» цепкими хвостами, использующимися при лазании в кронах деревьев. Выдвигающиеся некоторыми зоогеографами объяснения, что в Азии тропические леса являются более разреженными и между деревьями есть расстояния, преодолеваемые только в парящем полёте, а в лесах Южной Америки кроны настолько сомкнуты, что передвигаться по ним можно с помощью цепляния «пятой конечностью», на поверку не состоятельны: и там, и там есть одинаково сомкнутые и разреженные группы деревьев. И до сих пор в зоогеографии нет общепринятого объяснения такого явления, как «дух местности».

Я попробую подойти к нему с позиций единого плана существования, основанного на смысловом совпадении событий – синхронии. Юнг, рассматривая синхроничность как случайность, отмечал, что она приобретает «специфический аспект модальности, которая обладает функциональным значением формирующего мир фактора»^[2], а он, в свою очередь, «состоит из законов случайности и устанавливает правила для природы точно так же, как их устанавливают законы механики» (там же). Формирование фаун материков шло случайно, но основывалось при этом на определённом смысловом совпадении, направляющем эволюцию видов каждой местности, точно так же, как шло формирование и развитие психики людей, пришедших в эту местность и ставших её частью, носителями образа целостности, «духа местности» благодаря развитию сознания.

Уже один взгляд на географическую карту даёт некоторое представление об образе, лежащем в основе «духа местности» обоих регионов. Южная Америка соединена с Северной посредством тонкого изогнутого перешейка, напоминающего хватательный хвост. Азия, особенно Юго-Восточная Азия – множество островов, разделённых водными пространствами. В истории формирования современного расположения материков Южная Америка длительное время была в изоляции после отделения от неё Австралии и Антарктиды; а часть Азии,

являющаяся ныне Индостаном, откололась от Африки и придрейфовала к своему нынешнему месту через Индийский океан, врезавшись в Евразию и образовав Гималаи.

Животные в каждой из рассматриваемых зоогеографических областей по-своему реализуют ту же идею. Южноамериканские обитатели, цепляясь хвостами за ветви, связывают своим телом ограниченное пространство крон в единый изолированный от других групп деревьев остров, оставаясь в его пределах и всегда сохраняя твёрдую опору под лапой или хвостом. В Азии же животные свободно перемещаются над землёй и над водой с опорой на воздух, аэродинамику, соединяя таким образом в единое доступное пространство разъединённые территории.

Мифотворчество и культура местных народов – третий уровень синхронистической идеи «духа местности». Мифология индейцев Южной и Центральной Америки изобилует расчленениями, а религиозные ритуалы включали обильные человеческие жертвоприношения, которые буквализировали, то есть оставляли на твёрдой, плотской основе человеческого (даже не животного, что было бы уже несколько более высоким уровнем символизации по типу «как будто») тела психические содержания. Само расчленение является противоположностью связности, указывая на него.

В Азии же родилось понятие Дао как центральная (и одна из древнейших) идея философии, которое Рихард Вильгельм перевел как «смысл». Юнг приводит описание Дао Лао-цзы в знаменитом «Дао Де Цзин»:

Есть нечто бесформенное, но совершенное,
Существовавшее прежде, чем возникли небо и земля.
Так неподвижно! Так бессодержательно!
Ни от чего не зависит и неизменно.
Всепроникающе и непоколебимо.
Возникает мысль, что оно – это мать всех вещей,
Что существуют под небом.
Я не знаю его названия,
Но называю его «Смыслом».

Если бы я должен был дать ему имя, то назвал бы его «Великим»^[3].

Всепроникающая идея, ни из чего не состоящая, но объединяющая всё сущее, существующее под небом, – и змеи, ящерицы, лягушки, летяги, шерстокрылы, крыланы, человекообразные обезьяны, безо всякой опоры парящие над землёй, объединяя не соединённое пространство в единую область обитания.

Что касается способа содержания прирученных животных местными жителями, то в свете последних рассуждений становится ясным использование привязей американскими примитивными народами и изготовление клеток азиатами. На американском континенте уроборическая^[4] теснота замкнутого пространства либо поддерживается привязью («хвостом»), либо полагается на необходимость сохранять связь с твёрдой опорой, в данном случае – с хозяином животного. В Азии содержание, воплощённое в прирученном животном, всегда может испариться, улетучиться, поэтому его надо ограничить пространственно, но внутри этого ограниченного пространства оно сохраняет все степени свободы.

В итоге моих зоогеографических спекуляций^[5] «дух местности» Старого и Нового Света стал выглядеть как многослойное (геологическое, зоологическое, этнологическое) отражение психоидного уровня человеческой психики, включающего два аспекта, а именно: инстинкт и архетип. Инстинкт – телесные, физиологические проявления биологического существования, не доходящие до нижнего порога психического, инфракрасная область спектра, ощущаемая и реализуемая телом – воплотился в Америке. Архетип – духовная составляющая, в максиме также не способная вместиться в психическое восприятие, ультрафиолетовая часть видимого спектра, вообще не регистрируемая человеческими органами чувств^[6] – «проявился» в Азии. Между ними, в Восточной Африке, около 500 тысяч лет назад зародился биологический вид *Homo sapiens*.

Третья стадия доместикизации – разведение в неволе. Первичное отделение человека от окружающей природы и это от бессознательного произошло на предыдущей стадии. Здесь же задачей является сохранить автономию за счёт использования собственных ресурсов, так как обращение назад грозит мгновенным поглощением^[7]. Поэтому человек перестаёт без особой

на то необходимости изымать «дары» из дикой природы, а питается тем, что выращивает сам, как бы трудно это первоначально ни было, ведь КПД любого только начинающего культивироваться вида, будь то растение или животное, даже ниже дикого, так как помещено в неестественные для него условия. Но получать продукт самому в поте лица – это строить, создавать своё эго, расширять границы сознания путём тренировки сосредоточенности на цели, планировании и координации собственных действий. Воздействие на животных и растения в процессе их первичного разведения, выращивания – это работа через внешнего живого посредника по созданию собственного психического тела, сборка архипелагового сознания в единый материк. Хорошим подтверждением сказанному является выбор злаков в качестве первого одомашненного пищевого растения: во-первых, их съедобная часть располагается невысоко, но всё же над землёй, обработка которой вглубь (как для клубневых растений) на этой стадии просто невозможна из-за того же страха поглощения бессознательным, являющимся питательной почвой для только что окрепшего и невысоко поднявшего над бессознательным эго; во-вторых, это растения-однолетники, ежегодно проходящие цикл пробуждения-плодоношения-умирания, и человек ежегодно вместе с растением проходил тот же цикл, конкретизируя свои переживания прогрессии-регрессии либидо через многократное повторение, способствующее проработке сакрального содержания, делая его достоянием сознания; в-третьих, мелкие плоды-зерновки, требующие кропотливого сбора, хранения и многоступенчатой переработки, отражали текучесть психической энергии, требующейся юному эго для роста, и трудоёмкость в переводе её в доступную форму, образующую тело индивидуальной психики. Кроме того, при обработке зерна – обмолот, помол, замешивание теста, придание ему формы, выпекание с применением огня^[8], разделывание готового хлеба – задействована тонкая моторика кистей рук, способствующая, как признано психологами, развитию мышления^[9].

Доместикация животных первоначально производилась человеком также для обеспечения себя питанием. Практически все первые домашние животные были пищевыми, и именно на третьей стадии происходит расширение сферы их применения.

Коль скоро речь зашла о порядке одомашнивания, то первым домашним животным стала собака *Canis familiaris*, и произошло это, по разным данным, от 10 до 24 тысяч лет назад^[10] (а самое раннее 60-125 тысяч лет). Эволюция её функций для человека выглядит примерно так: еда – охрана – помощник в охоте – друг. Какие качества позволили зверю стать первым постоянным сожителем человека и для чего это стало необходимым самому человеку?

Пойдём по тому же пути естественной амплификации, что и при рассмотрении мифа о первобытном пауке Ареоп-Энап: перечислим биологические черты предка домашней собаки – волка^[11].

Обыкновенный волк *Canis lupus* населяет оба материка северного полушария – Евразию и Северную Америку, причём распространён очень широко – от крайнего севера до юга. Очень пластичен в выборе местообитания: избегает только глухих сомкнутых лесов и пустынь, предпочитает разреженные леса. Хищник, но при случае ест и растительную пищу. Это социальное животное, причём характер его социальных связей меняется по сезонам года: летом волки живут парами, сохраняющимися, как правило, пожизненно, вместе выращивают потомство; зимой соседние семьи, хорошо знающие друг друга и постоянно поддерживающие звуковой контакт (вой), с подростками волчатами объединяются в стаи. Смена социальной структуры взаимосвязана со сменой объектов питания: летом волки едят мышевидных грызунов и других мелких животных, а также плоды и другие растительные корма; зимой же по глубокому снегу охотятся на крупных копытных, с которыми в одиночку волк не справится. В стае развита система коммуникации, основанная на личных отношениях и служащая координации совместных действий при охоте, где каждый зверь выполняет свою чёткую задачу.

Первая же черта биологии – ареал волка – указывает на важнейшую составляющую процесса его одомашнивания: встретиться человек и волк могли только на территории Евразии, ведь, повторюсь, человек как вид появился в Восточной Африке, а волки там не живут и в то время не жили. Следовательно, первый опыт доместикации произошёл во время экспансии человека из Африки в Евразию, из тропиков в холод умеренного пояса с его сезонами, снегами^[12], пещерными медведями, мамонтами и шерстистыми носорогами. Психологическая метафора очевидна – путь героя из тёплых материнских объятий в холодный

негостеприимный мир, ежечасно требующий напряжения всех сил для борьбы за выживание. И тут в сказке обычно появляется помогающее животное, например, Серый Волк. Интересно, что в мифологии индейцев прерий Северной Америки в качестве помогающего животного, имеющего отчётливые черты трикстера, выступает койот *Canislatrans*^[13] – ближайший родич волка, замещающий его на открытых безлесных пространствах в Америке. Так что в лице (то есть морде) волка человек обрёл опорную фигуру, сохранившую связь со ставшим запретным бессознательным, но лояльным по отношению к сознанию, несущем и передающим эго столь необходимые ему в героической борьбе инстинктивные возможности реагирования и интуитивное схватывание^[14], опосредованные животным и потому не поглощающие человеческое сознание, сосредоточенное на дальнейшем продвижении и развитии.

Иными словами, первое домашнее животное стало персонификатором первого психопомпа, первого не-Я – Тени. Ведь, если взглядеться в биологическую характеристику волка, становится очевидным потрясающее совпадение его образа жизни с образом жизни первобытного человека, пришедшего в ледниковую Европу из Африки: семейно-групповой образ жизни, коллективная охота, рацион и способ добывания пищи. К тeneвым чертам, а значит, потенциалу, направлению развития первобытного человека относятся такие волчьи черты, как большая мясоядность (у человека изначально преобладала растительная диета с уклоном к всеядности), а также моногамность (до сих пор нет единого мнения о брачных отношениях первобытного человека). Согласно последним исследованиям, период так называемой «большой охоты» в истории человечества – когда мужчины охотились на крупных животных, сообщая загоняя их, – занял очень непродолжительный отрезок времени, десятки тысяч лет. За это время, правда, человек успел истребить мамонтов^[15]. Возникает фантазия, что сам период больших охот мог начаться именно с приручения и начала одомашнивания волка как процесс интеграции его качеств в сознательную установку, а резкое прекращение – не столько с падением численности жертв^[16], сколько с переходом в следующую стадию развития сознания, к следующей эго-установке. Ведь «большая охота» есть не что иное, как борьба с Материнским Чудовищем по добыванию из него пропитания^[17], и наличие психопомпа сделало возможным завершить этот этап, перейдя к следующему: использование интегрированных качеств архетипа Великой Матери.

О том, какое животное было приручено человеком первым, вероятно, знают многие. О том, кто был вторым, известно значительно менее широко. А вторым была корова *Bos taurus taurus* – около 8,5 тысяч лет назад^[18]. Да, та самая *Alma Mater*, в которую превратилось материнское чудовище на предыдущем этапе развития сознания благодаря поддержке *alter-ego* – Серого Волка.

И снова животное становится посредником между эго и тем содержанием бессознательного, которое наиболее близко к нему. Чудовище побеждено, и архетипическая Мать вновь становится привлекательной, более того, у эго возникает потребность в восстановлении контакта ради возобновления бесперебойного снабжения питанием. Для этого необходимо источник приблизить к себе, а не самому приблизиться к нему, иначе можно снова утонуть в океане бессознательного. Человек выбирает в качестве субстрата проекции Великой Матери тура *Bos primigenius*, населявшего леса Европы. Мне кажется показательным, что в диком виде этот вид не сохранился: последние туры были уничтожены на рубеже XVI-XVII веков, отмеченных, как говорилось выше, рождением самосознания как составляющей следующего витка развития человеческого сознания. В зоологической литературе истребление тура связывается не столько с ритуальными коллективными охотами, устраиваемыми феодалами ради развлечения, сколько с защитой домашних стад от посягательств на них диких быков, отличавшихся огромной силой, свирепым нравом и крайне возбудимых, сметающих всё на своём пути. И если охота на быков есть ритуализированная, то есть переведённая и преобразованная в поле коллективного сознания битва с Материнским Чудовищем, то полное уничтожение диких быков – это победа над патриархальным уроборосом^[19], мощным инстинктивным началом, пробуждающим спящую форму к рождению нового смысла насильственным путём. Самосознание как новоприобретение сознания, расщепившее тело и дух, иррациональное и рациональное и утвердившее примат разума, уничтожило «дедовские», природные способы инициации развития, передав бразды правления в руки казавшегося всемогущим рационального мышления.

О символизме коровы как *Alma Mater* много говорить не требуется, богатый символический материал есть в мифах многих народов. Отношение к домашней корове и быку как священному животному прослеживается во всём Старом Свете, от Африки до Индокитая^[20]. А Новый Свет снова подтверждает предположение о нахождении местного коренного населения на стадии развития сознания, предшествующей Великой Матери, – в патриархальном уроборосе. Индейцы Северной Америки не приручили единственный вид диких быков местной фауны – бизона *Bison bison*, а пользовались им, напрямую обращаясь к природному ресурсу и поставив жизнь человеческого сообщества в зависимость от естественных циклов сезонных изменений в жизни бизонов. А в Южной Америке вообще нет автохтонных видов быков, там в течение длительного периода изоляции материка (не менее 100 миллионов лет) развивалась собственная фауна копытных, полностью вымершая до прихода сюда человека. И азиаты-переселенцы, так же, как впоследствии их потомки, переплывшие Тихий океан и ставшие полинезийцами, встретили в окружающей среде подобие своей психической реальности: крепко обхваченное хвостом материнское древо и отсутствие образа доброй питающей матери-коровы. Если учесть, что заселение людьми Полинезии пришлось приблизительно на то же время, что и процесс одомашнивания коровы в Европе, то можно сделать два предположения. Во-первых, сознание инков на тот момент осталось архипелаговым. Во-вторых, может, они поплыли искать образ коровы? Нашли, правда, Ареоп-Энапа.

И ещё одного домашнего животного хотелось бы здесь коснуться в силу его огромного значения для мифотворчества, в том числе современного. Это кошка *Felis catus*, одно из последних по-настоящему одомашненных животных, на сегодняшний день ставшее самым многочисленным питомцем в мире.

Если следовать стадиям развития сознания по Нойманну^[21], после победы над драконом пришла пора освобождать принцессу – феминность души-анимы, отличную от феминности материнского архетипа. Превращение Материнского чудовища в Великую Мать позволило отделить от неё собственно феминную составляющую, поступившую в свободное распоряжение эго, которому стало жизненно необходимо облечь её в определённую форму, чтобы получить возможность пользоваться, не разрушаясь и не слипаясь. Освобождённая либидо приняла внешнюю форму кошки.

Аmplифицируем её в естественном ключе, пойдя по подтвердившему свою валидность пути. Семейство кошачьих *Felidae* – самое молодое в отряде хищных и потому удивительно однородное по внешнему облику; его представители различаются практически только размерами и окраской шерсти. Это специализированные хищники, питающиеся плотью своих жертв, большинство ведут ночной одиночный образ жизни. Единственное исключение – львы *Panthera leo*, живущие прайдами-гаремами и имеющие, кроме того, яркий половой диморфизм, выраженный в больших размерах и наличии гривы у самца. По способу добывания корма это хищники-засадники (как пауки), но, в отличие от собак и большинства других хищников, хватают добычу лапами, с чем связана необходимость сохранять когти острыми (втягивание во избежание затупления о грунт) и укорочение лицевой части черепа, так как вперёд за добычей вытягиваются лапы, а не челюсти. И, конечно, бинокулярное зрение, позволяющее точно рассчитать расстояние до точки схватывания лапами, как и у других животных, включая человека, пользующихся «манипуляторами». Как было отмечено выше, кошкам свойственна индуцированная овуляция, влекущая за собой повышенную экспрессию при спаривании: практически все дикие кошки издают характерные «дикие» крики в период течки у самок, а самцы устраивают, кроме ритуальных «концертов», совсем не ритуальные драки.

Итак, мы получили образ содержания, тесно соприкасающегося как с сознанием (использование манипуляторов, округлая голова с направленными вперёд глазами, одиночка), так и с бессознательным (ночная активность, хищник, ярко проявленная инстинктивная агрессивность и сексуальность). То есть это – явный психопомп, проводник в оба мира. Если добавить к этому обстоятельства приручения, то станет более понятен выбор именно кошки в качестве субстрата для доместики души.

Необходимость в одомашнивании кошки возникла только при появлении излишков зерна, которое при хранении стало подвергаться поеданию мышами. И произошло это событие в Египте от 3,5 до 4,5 тысяч лет назад. Интересно, связано ли это событие с библейским приданием о заготовках зерна в результате вешнего сна фараона Аменхотепа III,

истолкованного Иосифом, о семи тощих коровах, пожравших семь толстых коров? Сон приходится примерно на это же время (XVI век до н. э.)^[22], так что, возможно, в этом предположении есть доля истины, по крайней мере, психологической, тем более значимая для темы естественной амплификации как пример пересечения мифологического и биологического: сон о коровах породил потребность в реальной кошке. И снова, как в мифе от Ареоп-Энап, прослеживается связь между образом Великой Матери и анимы: в Микронезии паук и гусеница, в Египте корова и кошка. Зерно, хранящееся в амбарах, – та же корова как *Alma Mater*, или скорее, то, что она даёт – питание, энергию, либидо, из которого путём кропотливой переработки создаётся тело индивидуальной психики. Это крайне затратное мероприятие, и либидо постоянно утекает из сознания обратно в бессознательное: мыши выступают здесь как мелкие, множественные представители коллективного бессознательного. Кошка питается теми, кто ворует зерно, то есть имеет доступ к ресурсам бессознательного, оставляя невредимым сектор, отвоёванный сознанием. Она есть второй психопомп – анима, так как, с одной стороны, имеет характеристики, пересекающиеся с Великой Матерью (в частности, современная бытовая мифологема, что кошка очень любит молоко^[23] и рыбу^[24], из этой области), с другой – остаётся независимой от человека-эго и не создаёт зависимости от себя напрямую, так как сама никогда не была пищевым объектом для человека, в отличие от собаки, да и как охранник зерна спасает именно излишки, а не предмет первой необходимости^[25].

В Европе, в отличие от Египта, для этих же целей одомашнили лесного хоря *Mustela putorius*. Однако, по многим параметрам этот зверь не соответствовал психическому содержанию, пробудившемуся в тот момент и прокладывающего путь в поле коллективного сознания, и потому, несмотря на высокую практическую эффективность в качестве мышелова, был достаточно легко вытеснен привнесённой из Египта кошкой. Немаловажно, что именно египетская цивилизация – одна из древнейших, давшая миру «Книгу мёртвых» и первую монотеистическую религию, – залила его в конкретную форму, не просто приблизив к сознанию, а закрепив контакт с помощью доместикации. Кроме того, именно на территории Египта находится ареал степной кошки *Felis lybica*, ставшей предком домашней кошки, – единственного мелкого представителя семейства, поддающегося приручению. Как уже говорилось выше, подобное совпадение есть проявление принципа синхронии – случайность в качестве формирующего феноменальный мир фактора^[26].

Что касается других кошачьих, в частности, крупных кошек, то они заняли прочное место в мифологии как Египта, так и других регионов Земного шара, где люди в природной обстановке сталкивались со львами, леопардами и тиграми. Особенно много богинь-матерей в образе львицы – это состояние феминного «за секунду до»^[27] разделения анимы и архетипической матери. Лев – биологический вид *Panthera leo* – как нельзя более подходит под этот образ, являясь единственным исключением среди кошачьих в плане группового образа жизни и резкого различия в облике и социальных ролях самца и самки. Групповой образ жизни льва как мифологемы отражает близость к коллективному бессознательному человека и одновременно выводит его в поле коллективного сознания, то есть становится воплощением бессознательного содержания в каноне; половой диморфизм указывает на наличие разделения мужского-женского и появление образа отца, а это – признак перехода в патриархальную стадию развития сознания.

По сравнению со львом, тигр *Panthera tigris* в образе мифологемы у азиатских народов обладает скорее маскулинными качествами, подчёркивая маскулинную направленность религиозных систем Востока, отличную, однако, от грубого и буквализированного патриархального уробороса в мифах коренного населения Центральной и Южной Америки своей устремлённостью к духовному полюсу: тигр как мудрый правитель^[28], обладающий неисчерпаемой фаллической силой.

Что касается ягуара *Panthera onca*, обитающего в Новом Свете, то ему досталась функция тотема-Самости, например, у современного племени людей-ягуаров в Амазонии. И снова тот же принцип организующей случайности – это единственная крупная кошка^[29] Америки, занявшая вершину пищевой цепи в своей экосистеме: монада, центр, превосходящий своим значением человеческое эго, – имеет на своих боках изображения окружностей с пятнами в центре. Вместо кошки инки одомашнили морскую свинку *Cavia porcellus* – около 3-4 тысяч лет назад, то есть примерно в то же время, что и египтяне кошку. Сначала свинок содержали для

еды^[30], потом как храмовых животных: их шкурками украшали ритуальные одежды жрецов и считали, что зверьки вытягивают из человека все болезни. Выбор морской свинки объектом домостикации, вероятно, предопределён своеобразным застреванием коренной американской цивилизации в героическом паттерне борьбы, исхода, разрывания связей, а затем и самого героя. Свинка могла персонифицировать Божественного Младенца, психический образ которого социум никак не мог сохранить, разрушая чрезмерным маскулинным рассеканием, лишая питания в результате бегства от Пожирающей Матери и отсутствия образа феминности. На такую версию наталкивают небольшие размеры этого зверька и его голос^[31], травоядность^[32], а также рождение хорошо развитых зрячих детёнышей, способных бегать и есть траву в первый же день рождения^[33]. И, конечно, свинки являются естественной добычей хищников, в том числе и диких кошек – Пожирающей Матери. Коль скоро это бессознательное содержание так трудно сохранить в психической реальности, его перевели в материальную – домостикация животного как попытка обрести связь констеллированного деинтеграта с сознанием и, что ещё важнее, преобразовать его, оставляя в поле сознания до образования комплекса.

А это уже переход к четвёртой стадии домостикации – отбору.

Искусственный отбор, осуществляемый человеком в процессе одомашнивания животных, представляет собой процесс создания нового существа с заданными свойствами, причём эти свойства не ограничиваются материальным телом, а затрагивают поведение, то есть психическую составляющую объекта домостикации. Отбор на лояльность к хозяину и другому социальному окружению, по видимости, имел первостепенное значение по сравнению с производительностью, которая достигалась за счёт скученного содержания животных и утрате ими индивидуализированного отношения друг к другу, то есть опять же на основе изменения поведения как внешнего проявления психе. Таким образом, человек путём отбора в первую очередь лишал одомашниваемое животное видоспецифических черт, присущих ему как отдельному биологическому виду, оставляя и усиливая отбором до гипертрофии качества, соответствующие человеческому психическому содержанию, реализуемому в данном материальном носителе. Работая над созданием нового существа под названием домашнее животное, человек по сути домостикация свою душу, сам подвергаясь всё большей домостикации в результате всё усиливающегося развития сознания.

Этот процесс прекрасно передан мифом о Прометее, создавшего людей из глины помимо того, что их уже сотворил главный демиург, и наделившего их огнём, украденным с Олимпа. Домостикация животного – то же создание нового тела из природного материала (дикое животное как пластичная глина) и дальнейшее наделение его огнём частичного сознания^[34], производного по отношению к сознанию человека-хозяина. Иными словами, преобразование бессознательного содержания, констеллированного на момент домостикации, зависящего от стадии развития сознания и обладающего огромным зарядом психической энергии, путём перенесения на внешний живой объект, не просто поддающийся воздействию, как неживой предмет, а способный к взаимодействию, переводит эту энергию в форму, которую эго может ассимилировать, то есть из архетипа в комплекс, составляющий личное бессознательное человеческой психе. Господь, действительно, «родился в яслях на соломе в окружении домашних животных»^[35], то есть самосознающая имманентная самость смогла появиться на свет только в защищённом домостикацией окружении комплексов^[36].

То же самое происходит и в индивидуальной жизни каждого человека. В процессе социализации ребёнка у того возникает необходимость конкретизировать переживание своей собственной домостикации, что и является источником потребности завести того или иного домашнего питомца. Взаимодействие с животным облегчает путь преобразований, ведущих к формированию индивидуальной психики, вписанной в поле коллективного сознания окружающего ребёнка социума. Видовая принадлежность предпочитаемого ребёнком (да и взрослым) животного и форма взаимодействия с ним могут наглядно показать путём естественной амплификации уровень развития его сознания и состояния психики в целом. Чем дальше от человека систематическое положение любимого животного (например, хомячок в сравнении с рыбкой или тараканом), чем меньше старается взаимодействовать с ним ребёнок,

тем менее индивидуализированным остаётся пробивающийся к сознанию деинтеграт, тем деструктивнее его воздействие на незрелое эго.

Однако, само наличие любимого животного является естественно случившейся попыткой проективной автотерапии. Ведь животное, и я ещё раз подчеркну этот момент, даёт возможность взаимодействия, то есть осуществляет обратную связь, значительно более конкретную, чем при использовании неживого переходного объекта, например, игрушки в виде животного, но более безопасную, чем с человеком. В свою очередь, обратная связь создаёт контакт – основу отношений, через которые Самость только и может войти в индивидуальное сознание, так как любой архетип как часть исходной Самости в сознании принимает форму паттерна отношений.

Краткий итог всего вышесказанного будет следующим.

Стадии одомашнивания животных, как в историческом, так и в онтологическом масштабах, отражают и обслуживают стадии развития человеческого сознания. Контакт с животными и образами животных представляет собой мостик, по которому осуществляется установление отношений человека с ещё нечеловеческими содержаниями психики, способствуя их психической эволюции и продвигая в человеческую сторону.

^[1] Экология – это наука о взаимосвязях в природе, о взаимоотношениях организмов между собой и с окружающей средой; плохой или хорошей она быть не может, как и любая другая научная дисциплина. В просторечье при использовании выражения «плохая экология» чаще всего подразумевается загрязнение окружающей среды.

^[2] Юнг К.Г. Синхрония: акаузальный связующий принцип / Пер. с англ. и нем. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. – 347, [5] с., с. 310.

^[3] Там же, с. 277-278.

^[4] Кстати, уроборос кусает свой собственный хвост (держится за него, чтобы кольцо не разомкнулось) и выражает состояние замкнутого в себе психического содержания. Проявление этого архетипического мотива можно встретить и в повседневной жизни. Например, подслушанный разговор двух посетителей в зоопарке: «А где у этой змеи голова?» - «Да вон же, между ног!».

^[5] От *specula* (лат.) – смотровая башня, *speculator* – разведчик, исследователь, а также *speculum* – зеркало, *перен.* подобие, образ (Латино-русский словарь. – Ростов-н/Д: изд-во «Феникс», 2001. – 704 с., с. 558).

^[6] «Динамика инстинктов в определённой мере находится... в инфракрасной части спектра, а образ инстинкта – в ультрафиолетовой. ...Реализация и ассимиляция влечения никогда не происходит на красном конце шкалы, иными словами, совершается не путём погружения в сферу инстинктов, а только через ассимиляцию образа, который одновременно означает влечение и выманивает его, хотя в совершенно ином виде, нежели то же влечение, но на биологическом уровне» (Юнг К.Г. Об энергетике души / Пер. с нем. В.Бакусева. – М.: Академический проект, 2008. – 297 с. – (Психологические технологии), с. 248).

^[7] Как Тезей с Пирифоем присели отдохнуть в царстве Персефоны да обратились в камень.

^[8] Вспомним значение символического огнесверления как канализации либидо на создание сознания (Юнг К.Г. Символы трансформации / Пер. с англ. В. Зеленского – М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. – 731, [5] с. – (Philosophy)).

^[9] А также приведённая выше взаимосвязь развития сознания с разделением функций хватания и поглощения – руки и рта. Здесь перед поглощением идёт длительная подготовка и переработка первичного материала, то же происходит и на психическом уровне – опосредование и переработка сознанием восприятия реальности.

^[10] ru.wikipedia.org/wiki/Доместикация.

^[11] Сейчас считается общепринятой версия единого происхождения всех ныне существующих пород собак от волка.

^[12] Анекдот про зиму в восприятии африканца: студента из африканской страны, приехавшего домой на каникулы, спросили: «Ну, как тебе русская зима?» - «Зелёная зима ещё ничего, а вот белая...».

^[13] Словарь мифов / Пер. с англ. Ю. Бондарева. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 432 с., с. 158.

^[14] Волк хватает добычу ртом.

^[15] Конечно, это не единственная причина их вымирания.

^[16] Это одна из основных версий антропологов.

^[17] И, опять же, пожирание как принятие в себя качеств пожираемого, но в безопасном, переработанном виде. Например, как Сигурд (Зигфрид), поедающий жаренное сердце убитого им дракона (Словарь мифов / Пер. с англ. Ю. Бондарева. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 432 с., с. 301).

^[18] После завершения написания этой работы, решив проверить сроки одомашнивания первых спутников человека, которые сперва были обозначены по памяти, я обнаружила, что чуть раньше коров – около 10 тысяч лет назад – началось одомашнивание овец *Ovis aries* и коз *Capra hircus*. Однако, основного изложения этот факт не нарушает, так как и овцы, и особенно козы, как и коровы, выполняют питающую функцию для человека: овца – источник мяса, плоти, а коза – ещё и молока. В мифологии есть, например, Амалтея – коза, выкормившая своим молоком Зевса, спасённого Реей от пожирания Кроносом, рога которой благодарный громовержец превратил в Рог Изобилия. Вероятно, приручение и дальнейшая доместикация коровы была подготовлена своеобразной «тренировкой» на более мелком объекте. Кроме того, Великая

Мать за те 1,5-2 тысячелетия, разделяющие одомашнивание коз-овец и коровы, могла вырасти в поле сознания, заслонив собой остальные содержания, и для её психической ассимиляции понадобился значительно более крупный материальный носитель, по сравнению с которым человек пропорционально столь же мал, как и это по сравнению с архетипическим образом *Alma Mater*.

^[19] Шварц-Салант Н. Нарциссизм и трансформация личности: Психология нарциссически расстройств личности / Перев. с англ. В. Мершавки. – М.: Независимая фирма «Класс», 2007. – 296 с. – (Библиотека психологии и психотерапии), с. 120 и далее.

^[20] Апис, Адити, Бата, Бухис, Мневис, Нут, Ка-Мутеф, Хатор, Зевс, Дионис, Махиши, Нандин, Сурабхи и др. (Словарь мифов / Пер. с англ. Ю. Бондарева. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 432 с., Большой мифологический словарь / [сост. А. Черницкий]. – М.: Гелеос, 2008. – 496 с.).

^[21] Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания / Пер. с англ. – М.: «Рефл-бук»; Киев: «Ваклер», 1998. – 338 с.

^[22] dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/54414

^[23] Молоко – либидо, источником которого является контакт с *Alma Mater*, архетипом Матери, на матриархальной стадии развития сознания являющимся констеллированным узлом и персонификатором коллективного бессознательного.

^[24] Рыба как представитель любого бессознательного содержания (см. выше).

^[25] Сознание, потребляющее максимум психической энергии, является «психической роскошью», которую не каждый может себе позволить.

^[26] Юнг К.Г. Синхрония: акаузальный связующий принцип / Пер. с англ. и нем. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. – 347, [5] с.

^[27] Аллюзия на название работы Сальвадора Дали «Сон, навеянный полётом пчелы вокруг граната за секунду до пробуждения».

^[28] Например, Бай-ху, или Бо-ху («белый тигр»), в древнекитайской мифологии один из духов четырёх стран света (наряду с Цин-луном, Чжу-цяо, Сюань-у), покровитель Запада, где находится страна мёртвых. Бай-ху также называлось одно из созвездий (из семи звёзд). Появление Бай-ху устрашало всякую нечисть и одновременно рассматривалось как знак прогресса мирных наук. В средневековом Китае Бай-ху рисовали на воротах даосских храмов в функции стража (<http://enc.mail.ru/article/?1900040450>).

^[29] То есть представитель рода крупных кошек *Panthera*, включающего всего четыре вида: лев, тигр, леопард, ягуар. Лев и леопард встречаются в Африке и Азии, тигр – только в Азии, а ягуар – в Южной и Центральной Америке. По поводу ареала тигра автором был подслушан разговор двух друзей-подростков: «Где живёт тигр?» - «В Африке!» - «Ты что, дурак? В Индии!» - «А Индия, ты думаешь, где? В Африке!».

^[30] И сейчас в странах Южной Америки разводят в промышленных масштабах специальные мясные породы морской свинки, поступающие в местные рестораны.

^[31] И то, и другое – аналогия маленького ребёнка.

^[32] Трава – то, что естественно даёт земля-мать, при этом её не требуется разрушать, как при поедании хищником-кошкой её добычи.

^[33] Одна из центральных черт героя – его быстрое, в течение нескольких суток, а то и часов, взросление. Выдержка из школьного сочинения: «Иванушка рос не по дням, а по ночам».

^[34] Как часто хозяева домашних животных рассказывают о вполне реальных случаях проявления их питомцами потрясающих интеллектуальных способностей, не сравнимых с таковыми у их диких предков.

^[35] Юнг К.Г. Синхрония: акаузальный связующий принцип / Пер. с англ. и нем. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. – 347, [5] с., с. 113.

^[36] В это окружение входит даже солома как часть domesticiрованного злака.